

тается изготовить метапроптитол, вспоминает сказку о царе-не Несмеяне. В его интерпретации сказка выглядит так: «Девочка Несмеяна была психически больна. Иван-царевич дал ей какой-то неведомый транквилизатор — и она выздоровела».

И вот ученые пытаются создать лекарство, которое бы действительно исцеляло душу человека: он «был бы избавлен от таких состояний, как страх, испуг, подавленность»...

Идея избавления человека от подавленности, правда, в тех случаях, когда она вытекает из болезненных причин (различные типы депрессий), весьма благородна. Но вот,

раз больше» мало что дает, так как главное тут не в размере, а в структуре. Со структурой же дело обстоит совсем плохо, так как профессор Панафидин, вопреки своему коллеге-криминалисту, утверждает, что метапроптитол близок к триптизолу, то есть препарату из группы антидепрессантов.

Профессор Панафидин пытается растолковать инспектору МУРа Тихонову, в чем же суть воздействия метапроптитола на человека. «По-видимому, вы в этих вопросах не совсем компетентны...» — деликатно выражается он. Но, к сожалению, не совсем компетентным оказывается и сам профессор. Прежде всего он

геевич Хлебников, главный врач больницы, в которой лечится Лыжину, — человек, судя по всему, разносторонний. По словам Панафидина, он физиолог, кроме того, и биохимические испытания на животных проводит. Но одновременно со всем этим Хлебников и психиатр, а потому должен бы знать, что от «крайнего переутомления и сильного душевного волнения» человек не может вообразить, что он великий маг и волшебник. На то нужны другие, более серьезные причины, которые лежат в основе душевных болезней. Однако, как выясняется, все эти, казалось бы, прописные истины не для Хлебникова; несмотря на наличие и бреда, и нарушений сознания, он не считает Лыжину психически больным человеком... А кончается все тем, что Лыжину дают полученный им же метапроптитол и он воскресает. Итак, круг замкнулся. Участкового Позднякова чуть ли не отравили насмерть тем самым лекарством, которое исцелило Лыжину. Однако как-то не верится в это.

Ведь препарат метапроптитол не вышел еще за пределы лаборатории и вивария, не прошел клинических испытаний, соответственно, не был разрешен фармакологическим комитетом и... несмотря на это, был введен тяжело больному человеку.

Да, это существенный просчет романа — пренебрежение героями-медиками осторожностью, которой требует обращение с психотропными препаратами.

Закрывая последнюю страницу романа братьев Вайнеров, испытываешь довольно сложное чувство: ты познакомился с увлекательным детективом, напряженно следишь за развитием сюжета. Но что же это за «лекарство для Несмеяны», из-за которого весь сыр-бор загорелся, так и остается вопросом. К сожалению, разрешение его в романе повлекло за собой досадную путаницу, неточности, граничащие с научной недостоверностью.

А. Б. СМУЛЕВИЧ,
доктор медицинских наук,
профессор
Института психиатрии
Академии медицинских
наук СССР

МОСКВА

«НЕЧТО НЕСЛЫХАННО НАУЧНОЕ...»

скажем, страх. Разве это не естественное чувство? И кто знает, куда бы мы зашли, если бы вообще ничего не боялись. Идет школьник или студент на экзамен, волнуется, боится. Стоит дать ему таблетку какого-нибудь там «антистрашина», как ему уже море по колено. Надо ли так редактировать природу человека? Ведь ограничение с помощью психотропных средств естественных эмоциональных реакций может привести в конечном итоге лишь к обратным результатам, то есть к уменьшению естественных возможностей человека.

О самом метапроптитоле говорится в самом приподнятом, а бы даже сказал, рекламно-восторженном тоне. «...Это ведь будет выдающееся научное открытие. Сообщение о них высекать на золотых скрижалях», — говорит с приличным женой профессора Панафидина. Но «золотые скрижали» — это, так сказать, лирика, а если поконкретнее? «В принципе, — объясняет один из героев, химик-криминалист, — он похож на аминазин (то есть препарат из группы нейролептиков. — А. С.), — но молекула в шесть раз больше и сложнее». Это «в шесть

путаает термин. Говоря о терапии психотропными средствами (или психофармакотерапии), Панафидин почему-то называет этот метод психотерапией, предполагающей словесное, а не лекарственное воздействие на больного. Не совсем точны его представления и о спектре действия лекарств. С помощью большого транквилизатора (то есть нейролептика) профессор собираются побороть такие болезни, как гипертония, язвы, депрессии, неврозы. Действительно, транквилизаторы помогают при неврозах, но... не большие, а малые, а при лечении гипертонии, язвы и депрессий транквилизаторы (опять же малые) играют лишь вспомогательную роль...

Итак, роман «Лекарство для Несмеяны» — это как бы два романа, вставленные один в другой. Первый — детектив, второй — нечто неслыханно научное. И в повествовании все время сталкиваются друг с другом эти два потока.

Переутомившись на работе над метапроптитолом, Лыжину, которому удалось получить этот препарат, вообразил себя не кем иным, как Парацельсом. Лев Сер-

КОГДА я начал читать роман братьев Вайнеров «Лекарство для Несмеяны» (издательство «Московский рабочий», 1978), мне сначала показалось, что это типичный детектив. Повествование ведет инспектор МУРа Тихонов — безупречный работник (мелкие недостатки лишь «утепляют» положительный образ). Ему приходится сталкиваться с множеством таинственных происшествий. Так, неизвестные привели в невменяемое состояние участкового Позднякова, похитили у него пистолет и служебное удостоверение. Начинается серия «обысков» — вернее, ограблений людей: те же неизвестные устраивают якобы обыск, предъявляя удостоверение Позднякова, и уносят деньги, ценные вещи...

Авторы ведут повествование весьма умело. То напряжение, которое испытывает инспектор МУРа, решая задачу со многими неизвестными, передается читателю. Написана книга легко, свободно, вполне, на мой взгляд, профессионально.

Однако в распутывании детективной истории возникает сюжет, который заинтересовал меня как медика, как врача-специалиста, и, признаюсь, поставил в тупик... Оказывается, Поздняков был чуть ли не насмерть отравлен невероятным, чудодейственным лекарством — метапроптитолом. В зависимости от дозировки оно может быть то ядовитым, то целебным. Это последний крик медицинской науки... Наряду с уголовно-детективным началом в романе активно и настойчиво заявляет о себе намерение авторов придать повествованию самый что ни на есть научный характер. Кроме действующих лиц, мы встречаемся здесь и с сильнейшими действующими лекарствами.

Профессор Панафидин, один из тех, кто тщетно пы-